

неистовство некоторым пассажам и делали его творчество уникальным.

Его способность находить в себе силы для творчества в самых трудных условиях, после самых ужасных испытаний можно иллюстрировать множеством примеров. Вот что писал он брату из Петропавловской крепости после приговора к каторге и после отмененной смертной казни в 1849 г.: "Брат, я не уныл и не упал духом... Жизнь везде жизнь в нас самих, а не во внешнем... Никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь. Но вынесет ли тело, не знаю. Боже мой! Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь погибнет, угаснет в моей голове, или отравой в крови разольется! Да, если нельзя будет писать, я погибну. Нет желчи и злобы в моей душе... Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму... Жизнь — дар, жизнь — счастье".

Жизненной силы в нем было столько, столько желания жить и писать, что в ноябре 1880 г. за два месяца до смерти, он писал своему знакомому: "Позвольте мне не сказать Вам "прощайте". Я намерен жить и писать еще лет двадцать". Что это — болезнь или творческое здоровье, спрашивает себя, самый новый исследователь творчества Достоевского, Жак Катто в книге "Литературное творчество Достоевского".

Огромная сила, таившаяся в нем, как бы заострялась приступами болезни, вернее стремлением ее побороть. Это — редкий случай торжества духа над плотью. И этого не надо упускать из вида, когда мы изучаем его произведения и судим о них и о нем.

Н. В. Первушин